

ПОЧТИ ТРИ ГОДА ЛЕНИНГРАДСКИЙ ДНЕВНИК

---

* Военный дневник

Вера ИНБЕР

У нас по несколько тревог в день:
десять, пятнадцать. Вернее — одна сплошная
тревога с короткими перерывами.

Блокадная книга

Вера Инбер

**Почти три года.
Ленинградский дневник**

«Издательство АСТ»

1941-1944

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Инбер В. М.

Почти три года. Ленинградский дневник / В. М. Инбер —
«Издательство АСТ», 1941-1944 — (Блокадная книга)

ISBN 978-5-17-134170-1

«Оказывается, дома от газов взрывной волны меняют окраску: так человек меняется в лице от потрясения.» Дневниковые записи русской поэтессы и переводчицы Веры Инбер в полной мере передают трагизм блокадного Ленинграда. Подкосившиеся ноги — это от страха, когда разрывается бомба рядом. Смех и слезы — это от счастья, когда прибавили 75 граммов хлеба. «Обглоданы голодом» — так описывает автор людей в кольце блокады, людей, из последних сил боровшихся за свою и за нашу свободу. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-134170-1

© Инбер В. М., 1941-1944
© Издательство АСТ, 1941-1944

Содержание

Перед отъездом в Ленинград	5
В пути	6
Ленинград	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вера Инбер

Почти три года. Ленинградский дневник

Перед отъездом в Ленинград

22 июля 1941 года

Москва

Кресты на окнах. Боевое ночное крещение.

25 июля 1941 года

*Когда-нибудь, но только будь,
Прекрасное то время...*

28 июля 1941 года

*Москва, которую мы знали,
Ее (спокойный) горизонт,
Москва...
Преобразилась: это фронт.*

2 августа 1941 года

*Астролог Гитлера...
Одну лишь он не принял во внимание —
Пятиконечную звезду.*

8 августа 1941 года

Необычная роспись Москвы. Падающая звезда, похожая на ракету. Женщина — с кастрюлей на голове вместо каски — тушит бомбы.

10 августа 1941 года

В бомбоубежище под «Национален» во время тревоги Колдуэлл с записной книжкой. Бомба страшной силы упала у Никитских ворот на памятник Тимирязева и вбила его в землю.

В пути

22 августа 1941 года

Поезд Москва – Ленинград

Разъезд М 7

Две бомбовые воронки, слившиеся в одну громадную, разбитая цистерна, земля, бурая от нефти, сгоревший паровоз под откосом. И тут же довоенная надпись: «За курение – под суд!» Заплаканная беременная стрелочница (вот-вот родит) тоскливо держит флажок...

Мы снова стоим. Укрытые березовыми ветвями, идут навстречу товарные платформы с машинами и частями машин: это ленинградские заводы. И по степени свежести ветвей можно судить о времени, проведенном поездами в пути.

Маховики, станки, большие и малые зубчатые колеса, плоскости, треугольники. Отдельные части смазаны жиром и обернуты пергаментной бумагой. За платформами – теплушки с семьями рабочих. В одной из них – дети на нарах. Ребячьи головы, тесно прижатые одна к другой, смотрят в окно теплушки. Ни одной улыбки.

В Москве мне рассказывали, что при поспешной эвакуации одних яслей каждому ребенку написали на ручонке его имя химическим карандашом. Но по прибытии на место всех выкупали, смыв таким образом имена. Пришлось вызвать из Москвы матерей, чтобы они опознали своих детей.

А одно дитя так и осталось неопознанным.

Ох, Москва!.. Она не оставляет, следует за мной, ранит сердце. Все вспоминается мне мой полугодовалый внучок Мишенька, как его увозили в полотняном картузике, великоватом для его головенки, в распашонке и кофточке.

Внесенный в детский вагон, он лежал спокойно, разглядывая всех блестящими глазенками и ухватив рукой собственную ножку. У меня не хватило сил еще раз войти в вагон взглянуть на него. Так и увезли...

Наш поезд тронулся наконец. Товарный – тоже. Он – из Ленинграда, мы – в Ленинград. Долго провожали друг друга глазами.

23 августа 1941 года

Неизвестная станция

Остановились на рассвете. И вот – стоим. Станция неизвестная, вокзал далеко. Ни самолета в воздухе, ни выстрела на земле. Уж лучше бы гремело и грохотало, все было бы легче.

Наш вагон неразговорчив, да и пустоват. В одном купе идет нескончаемый дорожный преферанс, но тихо, словно под сурдинку. Генерал-лейтенант, задумчиво насвистывая, объявляет масть. Военный инженер то и дело выстукивает трубку о край стола – тихий звук, похожий на постукивание дятла. Трубочный дымок выплывает в коридор, слоится, утончается, повисает в солнечном луче. Порой становится так тихо, что кажется – поезд идет по мху.

За все это время только в Волхове пролетели над нами два «ястребка» и прошел мимо небольшой отряд морской пехоты – сверкнули на солнце золотые якорьки... И все.

Справа и слева от рельсов – воронки, наполненные водой. Она здесь набегаёт быстро. Вдоль телеграфных столбов тоже воронки, но маленькие. Немцы бомбили экономно, по-немецки: крупные фугаски тратили только на полотно, а на линию телеграфных проводов клали бомбочки помельче.

Мертвый лес, опаленный разрывами. И в одном месте все деревья вывернуты корнями вверх. На опушке – березка. Ее кора с крапинками, скобочками, штрихами и точками напоминает стенограмму. Здесь вся история ее жизни. Теперь эта запись оборвана на полуслове: все обуглено, расщеплено, мертво...

Только что узнали название станции: Мга. Мы ведь вообще до войны этой дороги не знали, все ездили по Октябрьской. Теперь между Бологим и Тосно – уже немцы.

А здесь – какие смолистые, дремучие названия: Мга, Будогощь, Хвойная...

24 августа 1941 года

Утро

О, этот путь от Пестова до Мги! Фугасные воронки...

*Чем далее на север – тем все ярче
За соснами брусничная заря.
На станции какой-то древний старче
Нам указал на поле, говоря:
«А урожай-то, милые, каков —
Мы не запомним эдаких хлебов!»*

Чем далее на север...

О сене... Солнечная энергия, переработанная в траву.

*Зажатая меж золота заря,
Заката темно-красная нашивка.
И лес корней, как будто под землей
Находятся стада оленей.
И рельса, вставшая дугой,
И ты, красноармейская подруга,
Безропотная спутница бойца,
Гармоника (трехрядка),
Как сладко ропщешь ты.*

Ленинград

24 августа 1941 года

Вечер

Первое, что мы здесь увидели, еще на вокзальной площади, – это расклеенное по стенам домов и залитое утренним солнцем обращение, подписанное Ждановым, Ворошиловым и Попковым: «Товарищи ленинградцы, дорогие друзья!..»

Оно появилось 21 августа, а Илья Давыдович уехал за мной в Москву 13-го. За эти дни положение Ленинграда резко ухудшилось. И все же мой муж правильно поступил. Он все время говорил: «Если случится война, мы должны быть вместе». И вот мы вместе.

26 августа 1941 года

Наша квартира на Песочной, на пятом этаже, – высокая, светлая, полупустая.

Только книжные полки и тарелки на стенах в изобилии. Неувядаемые елисаветинские и екатерининские розы, николаевский, синий с золотом, орнамент. Серо-белый фаянс. Хрупкое хозяйство. Куда с ним сейчас?!

Окна спальни и балкон выходят на Ботанический сад. Хотя еще жарко, но какие-то деревья уже готовятся к осени: вырядились во все золотое и алое. А что еще будет в сентябре!..

С балкона хорошо видна громадная пальмовая оранжерея, вся из стекла. Зеленые газоны, аллеи... Народу в саду мало. Я еще не была там ни разу. Пойдем в воскресенье.

Дом, где мы живем, занят фармацевтическим институтом. Рядом с нами, за стеной, общежитие студентов. Здесь же, совсем близко, перейти только речку Карповку – Первый медицинский институт и его клиническая «база» – бывшая Петропавловская больница, а теперь больница имени Эрисмана.

Эрисман – человек большого сердца и ясного ума. Ученый-гигиенист, много сделавший для России.

Больница его имени и Первый медицинский институт – это целый городок: множество больших и мелких корпусов среди прекрасных старых деревьев времен еще «архиерейской рощи». Когда-то здесь было архиерейское подворье, а еще раньше – в эпоху основания Петербурга – мыза Феофана Прокоповича. Места, богатые воспоминаниями.

До войны И. Д. заведовал в институте одной из кафедр, а теперь назначен сюда директором.

27 августа 1941 года

Ответственный секретарь здешнего Союза писателей Кетлинская обрадовалась мне и тотчас же стала звонить на радио. Я пошла туда прямо из Союза и договорилась, что буду выступать на следующий день.

Передача называлась: «Москва – Ленинграду!»

Я начала ее так:

«Товарищи! Ленинградцы! Граждане города Ленина! Выступая в эти минуту перед вами, мне хочется передать вам привет от Москвы, от моего города, который в эти грозные дни так же мужествен и тверд, как ваш Ленинград. Так же отдает себе отчет о размерах опасности, нависшей над страной. И так же полон веры, что опасность эта будет преодолена, что враг будет

разбит: Москва и Ленинград, как сестра и брат, подают друг другу руки, говоря: «Победа – за нами!» Я цитировала Герцена:

«Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моею колыбельной песнью, детскими сказками, моей Илиадой и Одиссеей», – пишет Герцен. А теперь и мы думаем о том, перед сколькими поколениями наших потомков нынешние московские ночи встанут героическим эпосом, развернутся отечественной Одиссеей, русской Илиадой».

Закончила я так:

«Гитлеризм будет уничтожен, сметен с лица земли, а ты, Москва, родная, великая столица, сердце родины и колыбель героев, и ты, Ленинград, город, носящий имя Ленина, краса и гордость страны, – вы будете стоять непоколебимо, как стояли в веках».

Эту мою передачу слышали и слушали многие. Оля Ч. услышала ее в магазине, в очереди, и таким образом узнала, что я в Ленинграде.

28 августа 1941 года

Сегодня И. Д. встретил знакомого врача одного военного госпиталя, который неделю назад уехал из Ленинграда. Все это время госпиталь простоял в вагонах на путях, но уехать не смог, и вернулся обратно.

Дорога на Мгу, последняя наша дорога, перерезана немцами. Сама Мга взята на следующий день после нашего приезда.

1 сентября 1941 года

У нас по несколько тревог в день: десять, пятнадцать. Вернее – одна сплошная тревога с короткими перерывами. Но тихо, даже зениток не слышно. Все происходит где-то там, за горизонтом. Чувствуется, что «юнкеры» ходят кругами на подступах к городу, а пробиться не могут. Но ведь может наступить такой день, когда они пробьются, как это было в Москве.

И, как назло, необычайно прекрасны тогда были московские закаты. Солнце алым шагом подтягивалось к горизонту. И, по мере того как оно опускалось, подымались аэростаты, словно один и тот же механизм заведовал этими спусками и подъемами.

Однажды, помню, луна взошла громадная, во все окно, неестественно розовая, вся какая-то словно восковая. И вмятины на ней, как отпечатки пальцев, точно ее держали в горячих руках.

И когда при этой луне завывали сирены, мне показалось, что наступил конец света.

Взяла пишущую машинку и стала спускаться в убежище. Иду по лестнице, а впереди сумасшедшая старуха. У нее умер муж, а она думает, что он остался в квартире. Идет и плачет:

«Он все время был со мной и вдруг отстал. А я еще его пальто надела. Как же он теперь без пальто?»

Я сошла вниз. Там какая-то чужая женщина, не из нашего дома, мечется в ужасе, ищет своего грудного ребенка, спрашивает всех – не видел ли кто? А ребенок у нее на руках, в платке.

В часы налетов я свою московскую квартиру не запирала на случай пожара от зажигалок: мой этаж был последний. Кроме того, дежурные по крыше приходили ко мне иногда пить воду.

Как-то я поднялась к себе еще до отбоя. У открытого окна стояли двое из наших жильцов, разговаривая вполголоса. Звезды, особенно блестящие, как это всегда бывает перед рассветом, словно влажные от росы, сияли над кремлевскими стенами. Вдали небо багровело от пожаров.

Я подошла, мы стояли вдвоем у окна, долго смотрели на это далекое пламя.

*Московских женщин голоса
Ко мне неслись через леса,
Через вечерние просторы...*

4 сентября 1941 года

Была в редакции военной газеты, как раз тогда, когда возвратились с передовых позиций заведующий редакцией, два наших московских писателя – Лев Славин и Михаил Светлов – и шофер.

Они входят в комнату. Все в шинелях, у каждого за поясом граната. У шофера, идущего сзади, их целых четыре. В руках у него ручной пулемет, который он ставит в угол, между диваном и шкафом, и машинистка, идущая за копиркой, с грохотом роняет его. Хорошо, что пулемет был на предохранителе!

Выложив гранаты на стол, приехавшие разворачивают карту и погружаются в нее. Все мрачны. Поездка была неудачна, наших потеснили. Немцы бомбили штаб нашей армии. Кроме того, все голодны.

Внезапно звонит телефон: сообщают, что одна наша зенитная батарея сбила пятнадцать вражеских самолетов. Неслыханная цифра!

И все, подхватив гранаты и пулемет, забыв про голод, устремляются к двери: едут на батарею.

Днем разводили мосты, чтобы мог пройти военный транспорт!

Человек в трамвае торопится, ему дорога каждая минута, а тут уже ставят рогатки. Вожакий, старик, просит:

«А ну, хорошая, молодая, пропусти нас. Мои пассажиры торопятся».

И «хорошая-молодая», отодвинув рогатки, пропускает трамвай – последний.

5 сентября 1941 года

Заметка в «Ленинградской правде» о том, как работают кооперативные артели.

«Технорук одной из них, явившись в руководящую организацию, положил на стол новенький электроутюг и рядом с ним еще один предмет. “Все мы уважаем этот утюг, – сказал он, – это наше дело. Но родина нуждается сейчас в другой продукции. Поэтому мы хотим покончить с утюгом – население как-нибудь временно обойдется без него – и заняться вот этой ‘штучкой’. Мы все уже обсудили, взвесили, только позвольте начать”».

Позволили. И сейчас артель изготавливает «штучку» – крохотную детальку, без которой ружье мертво: выстрел не получается.

Старый ирландский сеттер с седыми усами, брошенный хозяевами (теперь много таких животных), влез в трамвай и проехал остановку. От отчаяния... Чтобы он не спрыгнул на ходу, его осторожно высадили на остановке. Он остался ждать... Чего? Другого трамвая? Хозяина? Смерти?

7 сентября 1941 года

Когда начинается тревога, на нашу лестничную площадку выходит дежурный студент-фармацевт и крутит местную сирену, похожую на кофейную мельницу с длинной ручкой...

Трасса окопных работ проходит вблизи Петергофа. А немцы, конечно, будут бить по фонтанам.

Видела в руках молоденького красноармейца трофейный немецкий тесак.

8 сентября 1941 года

Удивительная, редкостная осень. Дождей нет. И в сухом и тихом тепле деревья желтеют сохранно, не теряя листьев. Так и стоят – пурпурные, янтарные, лимонно-желтые.

И. Д. целый день в институте. Я одна в наших высоких, слишком светлых комнатах. Во время тревоги выхожу на балкон. И без того тихая Песочная улица становится тогда совершенно безлюдной. Только дежурные МПВО в касках стоят у подъездов, глядя в небо, да изредка пробежит ученик-ремесленник. Их общежитие на территории Ботанического сада, в одном из зданий.

Про них хорошо сказала кондукторша трамвая:

«Ведут себя, как *хозяины*. На подножках висят, на площадках толкаются, но я их уже и не трогаю. Ведь скоро пойдут на фронт, окопы рыть».

На оборонных сооружениях, где работают студентки мединститута, прямо к ним на руки спустился на парашюте легко раненный наш летчик. Бой шел совсем рядом.

*... Состариться, друзья, нам не удастся:
Как дивно нас опасность молодит...*

9 сентября 1941 года

Семья старого большевика.

Он – следователь, жена работает, дочь медичка. Война. Отец уезжает на Карельский фронт. Мать отправляется машинисткой в штаб, дочь – в дружинницы.

Все на войне.

Вчера – первый большой налет на Ленинград. Днем, как обычно, было несколько тревог, но мы все же решили пойти в Музкомедию на «Летучую мышь». Пошли мы, Николай Иванович Озерецкий с женой Аленой Федя П. Для меня он все тот же Федя, невзирая на пятый десяток и звание юрисконсульта одного из наркоматов. Он не эвакуировался, остался. Держат его здесь удобная, обжитая квартира, ковры, книги.

Николай Иванович – заместитель И. Д. по институту, психиатр, умный мужик. И говорок такой занятный.

В антракте между первым и вторым действиями началась очередная тревога. В фойе вышел администратор и тем же тоном, каким, вероятно, сообщал о замене исполнителя по болезни, внятно произнес: «Просьба к гражданам стать как можно ближе к стенам, поскольку здесь (он указал рукой на громадный пролет потолка) нет перекрытий».

Мы повиновались и стояли у стен минут сорок. Где-то вдаль били зенитки. После отбоя спектакль продолжался, хотя и в убыстренном темпе: были опущены второстепенные арии и дуэты.

Когда мы вышли из театра, еще не совсем стемнело. Синий вечерний свет мешался с красноватыми отблесками. Алые блики реяли по площади, мы даже не сразу поняли, в чем дело. Вдруг видим – шофер Ковров делает нам знак, а мы машины не заказывали. Ковров говорит:

«Решил заехать за вами, лучше скорее быть дома. И лицо у него в этом бенгальском освещении бледное, смятенное».

Когда машина обогнула площадь, внезапно нам открылись черные клубящиеся горы дыма, подсвеченные снизу пламенем. Все это громоздилось в небе, взбухало, пускало страшные завитки и отроги. Ковров повернулся и сказал глухо:

«Немец бомбы бросил и поджег продовольственные склады».

Пока мы ехали, была еще одна тревога. Дома долго стояли на балконе, все глядели на горящие склады. В одиннадцать легли спать. Но в два часа ночи пришлось (первый раз в Ленинграде) спуститься в убежище. Слишком грозно гудели немецкие моторы прямо над нашими головами. Зенитки не умолкали. Порой раздавался гул, уже знакомый нам по Москве.

Убежище длинное, вдоль стен – скамьи. На стене, на полке, радиорупор. Рядом – аптечный шкафчик. На скамьях сидели, дремали женщины с детьми. Разговоры вполголоса и шепотом у двери, где дежурило МПВО.

Вдруг ребенок, мальчик, идет, идет на толстеньких ножках через весь подвал между скамьями. Все молча смотрят на него. Берет табуретку, подтаскивает к стенке, где радио, взбирается на табуретку, – все это сам, – снимает с полки рупор и, прижав его к уху, слушает изо всех сил, вникает в глубину, не раздастся ли там желанное слово «Отбой».

Сгоревшие Бадаевские склады – центральная кладовая Ленинграда, его «продовольственное сердце». Зловещий дым, жирный, слоистый и тяжелый, – это были горящий сахар, мука, масло...

Вот уже две ночи ночуем в институте. Позапрошлая ночь была теплая, лунная, до того яркая, что весь город, наверное, как на ладони оттуда, с немецких самолетов.

Санитаркам в белых халатах запрещено перебегать по Двору. Больничные здания тоже белые, точно и они в халатах. Но их уж не укроешь накинутым на плечи темным платком. Зенитные вспышки кажутся бесцветными в этом лунном пламени. Прожекторы бездействуют. «Юнкеры» идут волнами. Пройдут, некоторое время тихо, а потом – снова.

Вчера И. Д. хотел проверить, как спускают больных в убежище. Пошла и я с ним. Только вышли из акушерской клиники – вдруг свист бомбы. Я испугалась, мы побежали, но взрыв раздался прежде, чем мы успели вскочить в двери главного здания. Я вся пригнулась, ожидая взрывной волны. Однако ее не было или пошла в другом направлении.

Потом в нашем штабе нам сказали, что одна из бомб упала возле Зоосада. И будто бы засыпало слониху. На другую ночь – опять бомбы, и снова в том же месте. Это гитлеровцы метят в химический завод, а попадают в Зоосад. Говорят, что перебиты обезьяны, а обезумевший соболь бегает по улицам.

А как нестерпимо воют во время налетов подопытные институтские собаки! Бедняги, они с «павловскими фистулами»: им и без того не сладко!

Десять тревог днем и бомбежка ночью.

Глагол – «морзить», сигналить, от слова «Морзе». Оказывается, дома от газов взрывной волны меняют окраску: так человек меняется в лице от потрясения.

11 сентября 1941 года

Вишневский, Тарасенков, Браун успели еще принять участие в выпуске последнего номера газеты, когда в Таллин уже входил враг.

Прорыв Балтфлота из окружения был тяжел. Немецкие пикирующие бомбардировщики неотступно следовали за нашими кораблями: тут были военные транспорты, миноносцы, катеры, пароходы... Все это день и ночь шло под бомбежкой. Спасшихся людей бомбы настигали на втором, а иногда и на третьем корабле (Браун).

Как это хорошо, что Всеволод Вишневский здесь!

12 сентября 1941 года

Квартира профессора Рама почти вся разрушена взрывной волной. Но стопки тарелок, стоявшие на буфете, аккуратненько, в полной сохранности этой же волной перенесены на дальний стул.

13 сентября 1941 года

Вчера, около десяти вечера, нас в машине затерло колонной военных грузовиков у Ботанического сада.

Луна еще не взошла. Ночь была душная, черная, облачная. Машина пришла за нами, чтобы отвезти часть наших вещей в институт: мы ведь теперь наполовину там живем.

Пока мы собирались, наступила кромешная тьма. Грузовики в величайшем беспорядке загромождали всю улицу. Стояли вдоль, вкось, поперек, на панели, на мостовой, нос к носу... Командир колонны куда-то исчез.

Наш шофер попытался было на секунду включить фары, но тотчас же чей-то бешеный голос закричал:

«Мне не *антиресно* видеть твой свет! А ну, гаси!»

Шофер ответил робко:

«Мне и самому не *антиресно*, милый друг, да ведь ничего не видать».

А тут еще, как полагается, началась тревога. Застонали, завопили в этой тьме сирены. И сразу же в низких облаках зловещее гудение. А уйти некуда: сбоку и сзади напирают тяжелые грузовики, только треск идет. Наконец впереди что-то задвигалось, зафыркало, грузовики тронулись. Прошли два-три метра. «Стой!» Прямо на нас, радиатором к радиатору, тоже легковая. Опять стали пятиться, задели кого-то. Но в конце концов пошли.

Взяли влево по набережной Карповки. Шофер говорит:

«Не вижу мостика через речку. Как бы не угодить в воду!»

Этого еще недоставало...

Повернули наугад и все же попали на мост (в том месте, где Карповка впадает в Невку), только перила задели.

Пошли по улице Льва Толстого, снова на миг зажгли огонь. Патруль: «Пропуск ВТ». Говорим: «Есть». У машины-то он действительно есть, да у меня ночного пропуска нет, а уже больше десяти часов. А теперь с этим строго.

Поехали дальше, не можем найти своих ворот. Снова зажгли огонь. А тут милиционер:

«Еще раз зажжете – стрелять буду!» И ведь не шутит.

Ехали мы до дому около часу. Шофер был еле жив. Говорит:

«На мне вся рубаха взмокла от пота, до того тяжело было ехать».

Грозное что-то и тревожное было в этом ночном и беспорядочном скоплении машин в самом городе.

Сегодня плохая сводка: мы оставили Чернигов.

Артиллерийские снаряды нет-нет и ложатся на город. Вчера ночью три попало на Верейскую, возле Обводного канала. Это хуже, чем бомбежка. Никакого предупреждения, никакой тревоги. Сразу смерть или раны.

14 сентября 1941 года

Тревога! Три тревоги! Пять тревог! Весь день воет сирена...

Подвиг учительницы. Немцы захватили поселок. Согнали жителей в здание кино. Поставили впереди местную учительницу и приказали ей читать вслух немецкую Листовку на русском языке.

Учительница бросила листовку офицеру в лицо.

Немецкий летчик, раненый, придя в сознание, спрашивает, где он. Узнав, что в Ленинграде, в госпитале под знаком Красного Креста, умоляет, чтобы его перевели в другое место.

– Но ведь это госпиталь... Красный Крест.

– Вот именно поэтому. Это особенно опасно. Наши летчики специально бомбят русские госпитали.

Раненый боец. Татарин. Пуля вошла выше соска и вышла через плечо. Входное отверстие маленькое, треугольное. Под ним держат сосуд, куда медленно стекает гной. Потом раненого усыпляют. Он постепенно стихает. Все молчат. Раздается только тоненький монотонный звук, словно кто-то напевает сквозь зубы невнятный мотив. Оказывается, это стонет раненый.

Надрезали грудь, засунули туда руки и стали искать... Очевидно, осколки. Большой содрогался и стонал. Значит, чувствовал сквозь наркоз.

За окнами выются мухи. Им холодно, они стремятся в дом. Во время тревоги – это единственные живые существа на улице.

*Среди имен, которые оставит
Потомкам страшная война,
Останется и Бондарева имя.
Его уже узнала вся страна:
«Вперед! Всегда вперед!» – его девиз.*

16 сентября 1941 года

Как-то странно сделалось на душе, когда свежий женский голос сказал кратко: «До конца войны телефон выключен...» Я попыталась что-то возразить, протестовать, но сама поняла, что бесполезно. Через несколько минут телефон звякнул и умолк... до конца войны.

И квартира сразу замерла, заглохла, насторожилась. Оторвалась от всего города. И так телефоны были выключены повсюду в один и тот же час. Остались только считанные: в учреждениях (особо важных), в больницах, в госпиталях.

*Друзья мои!.. Я растеряла вас.
Один ушел редактором на фронт.
Другой томится где-то в Подмоскowie.
А как бы хорошо
Сейчас всем вместе...*

*Четвертый,
Не то чтоб друг,
Приятель, полудруг,
Он болен страхом, у него недуг.*

*А что, вдруг эти годы —
Морицинка на челе истории,
Она разгладится, и все исчезнет.
Она исчезнет, и тогда
От жизни не отыщешь и следа.*

*Друзья,
Быть может, я напишу когда-нибудь,
Как среди глыб режущего металла
Поэзия, бедняжка, трепетала,
Теряя нервы и кровавая грудь.
Услада жизни! Радость бытия.*

7 часов 20 минут вечера

Сегодня вымыла голову, может быть, в последний раз в жизни. Седая голова. Жизни прожито много. Но можно было бы жить еще. А вот удастся ли... кто знает...

17 сентября 1941 года

Днем

Натерпелась страху: подумала, что потеряла орден. Проискала его целое утро. Возвращалась на квартиру, снова взялась за маленький черный чемодан. Орден лежал в кармашке крышки чемодана.

Пришла ко мне родственница Пушкина (ее бабушка – двоюродная сестра Александра Сергеевича). Сама она вылитая Ганнибал: черные выющиеся волосы, арапские глаза, толстоватые губы, которые при улыбке складываются совсем необычно. Какая крепкая кровь!

Вера Каэтановна без места, не приспособлена. Ее учреждение эвакуировалось, а она почему-то осталась.

Дала ей полкило чечевицы, кусок черного хлеба и пятьдесят рублей денег. Дочь ее бежала из Пушкина. Сын, больной художник, не встает с постели.

Родственница Пушкина, бегущая из Пушкина от немцев... Все это не так легко придумать даже очень опытному романисту.

Окончательно переехали в институт на так называемое «казарменное положение».

Наша комната очень мала: письменный стол у окна, две железные кровати, этажерка, кресло и два стула. Для умывания приходится вносить табурет и таз.

По стенам – портреты ученых: Клод Бернар, Биша, Пастер, Вирхов, Кох и гравюра: «Английский врач Дженнер делает первую прививку оспы восьмилетнему Джеймсу Фипсу с руки молочницы Сарры Нельме».

В комнате – круглая железная печка. Ее по утрам уже протапливает Евфросинья Ивановна. За окном – могучие тополя. Мы внушили себе, что они защитят нас от осколков. Да и сама комната хорошо расположена. В глубине буквы «П», между крыльями дома.

Особенно хороша эта комната вечером, когда мрак заливает весь город и всю территорию больницы. Идешь, и даже не верится, что где-то есть свет. Мрак, первозданный мрак стоит стеной. Ночи сейчас темные, луна ущербная. Умиравшая, она появляется только на рассвете.

Идешь по двору, потом проходишь холодный каменный вестибюль главного здания. Горит синяя лампочка, дежурная сидит над книгой. Далеко бьет артиллерия. Небо полыхает на горизонте: там идет воздушный бой. Во двор только что привезли раненых. Вчера понесли одного на носилках, по лестнице, а за носилками кровь – со ступеньки на ступеньку. Поставили на минуту носилки, подняли – осталась лужа крови. Раненый – молодой парнишка, белый как бумага – прямо с фронта. Привезли – и сразу на операционный стол. Ампутировали ногу.

После этого двора с ранеными, после холодной лестницы и темного коридора я вхожу в нашу комнату, где светло и тихо. Окно непроницаемо укрыто. На письменном столе горит маленькая электрическая лампа, которую я привезла с собой из Москвы, и этот кружок света кажется мне прибежищем, тихим раем. Моя комната представляется мне защитой, очагом, опорой.

Конечно, все это иллюзорно. Но это одна из тех иллюзий, которые помогают жить.

Вчера поздно вечером, еще во время налета, мы пришли в приемный покой, куда только что привезли пострадавших.

Молоденькая работница консервного завода ждала операции. Беременная на седьмом месяце, она сидела в металлическом кресле, в простыне. Лицо розовое от жара, удлинённые синие глаза полузакрыты, светлые, точно влажные, волосы лежат кольцами по плечам. Сборчатая больничная рубашка слегка раскрыта на груди.

Снаряд влетел к ним в цех (здание деревянное) и из двадцати человек убил восемнадцать. Осталась вот эта молоденькая и еще одна. Раненую положили на стол, она дрожала, ей дали наркоз. Осколок попал в ногу, около пятки, глубоко. На рентгене он был виден очень ясно.

Началась операция. Взрезали ногу и щипчиками стали вытягивать осколок; но сначала его искали еще иглами, а найдя, вытащили не сразу: трудно было ухватить. В промежутке между зенитными разрывами слышно было, как щипчики скребут по металлу.

Оперировала Оглобина Зинаида Васильевна – одна из старейших здешних врачей.

Она и училась здесь еще в то время, когда Первый медицинский институт был Женским медицинским институтом, первым в России. Сейчас она неутомима. По неделям не уходит домой, по суткам не отходит от операционного стола.

Мы ушли до окончания операции. Но Борис Яковлевич, главный врач больницы, принес мне потом осколок, как я просила. Это маленький кусок металла, медный снаружи, стальной внутри.

Наша Петроградская сторона считается наиболее безопасной: сюда эвакуируют людей из других районов города. Привозят прямо на трамвае, с узлами, с колыбельками, ванночками, кастрюлями, цветами, книгами.

Средняя Рогатка, куда я ездила недавно на машине «Известий», почти до самого Пулкова, – теперь передовые позиции. Немцы там совсем рядом.

Сегодня летали наши бомбардировщики. Раньше их не было.

18 сентября 1941 года

Два часа тому назад артиллерийские снаряды ложились в центре города: на Марсовом поле, на углу улицы Герцена и Невского, на Конюшенной.

Вчера пошли в студенческое общежитие. Было темно. На горизонте – два зарева. Общежитие помещается в бывших Гренадерских казармах. Здесь жил когда-то Александр Блок, его отчим был военный.

Тихая набережная Невки, рядом – Гренадерский мост. Здания на противоположном берегу (особенно одно, с покатою крышей), их отражения в воде, розовые и серые, затонувшая баржа – во всем этом есть что-то голландское. А еще это напоминает мне то место в Копенгагене, где у пристани стоят старинные хлебные амбары, и чистые тяжелые голуби клюют просыпавшееся зерно.

Слева от казарм, вдоль Невки – все тот же Ботанический сад. Казармы – могучее здание с несокрушимыми стенами. Его подвалы (там в тот час был только одичавший черный кот) как бы специально приспособлены для укрытия от бомб.

Одна мысль, один вопрос: устоит ли Ленинград?

19 сентября 1941 года

Утро

Ночь была до ужаса тиха. Казалось, город не дышит, лежит во тьме и ждет. А утром началось. Еле успела умыться между двумя тревогами.

Это первая моя тревожная ночь. Я в Москве в бомбоубежище прекрасно спала. А сегодня не могла. Тишина была полная, совершенно как в павловской «башне молчания», действительно ни звука. Казалось, город не дышит, лежит во тьме и ждет.

И. Д. встал в половине шестого. Проснулась и я (совсем не спала). Лежала и грелась. Мое стеганое одеяло – это символ мирного тепла... Вдруг сирена. Я вскочила, стала одеваться. Началась страшная пальба зениток: здание дрожит. Потом – взрывы. Оказывается, бомба попала в шестиэтажный дом недалеко от нашей Песочной, очень много жертв.

Слушали по радио очерк Эренбурга о Западном направлении. И очерк хорош, и дела там хороши. Зато здесь!..

Прекрасно сказано у Эренбурга: «Победа изображается с крыльями, но у нее тяжелая нога. Она передвигается по земле в грязи и крови. И добывается с трудом». Так примерно. Хватит ли сил? Ведь мне не двадцать и не тридцать лет...

У меня в мозгу как будто «минные поля», куда нельзя ступить. Жанна с Мишенькой – это «поле». Деревянный дом в Переделкине, в соснах и березах, – тоже «поле». И все же быть там сейчас я бы не хотела. Мне хотелось бы быть на фронте. Но там, где мы побеждаем.

Каждый вечер здесь, в больнице, тяжелораненные просят:

«Опустите нас в убежище».

Они волнуются больше, чем те, кто никогда не был в бою.

На дворе все та же золотая осень. Старые деревья роняют желтые листья на больничные дорожки. Сегодня сюда переезжает еще один госпиталь: морской.

Здесь скопится огромное количество раненых. Как это опасно! Ведь именно такие места и бомбят немцы.

Вчера кто-то назвал нашу Петроградскую сторону «глубоким тылом». Но если это и «тыл» для артиллерии, то не для авиации: тому доказательство сегодняшнее утро...

Мужество так же заразительно, как и трусость.

20 сентября 1941 года

Вчера очень тяжелый день: много жертв и разрушений. В разных концах города гремело и рушилось.

Мы приехали на машине на Разъезжую, к Леле П., через полчаса после того, как туда упали две бомбы: одна на мостовую между домами Большой Московской, другая во дворе. Лелин дом пострадал от обеих бомб. Рядом все было разрушено, оттуда выносили раненых и убитых.

Двор усыпан стеклом и кирпичом. В самой квартире, на полу, штукатурка, грязь, известка, как во время ремонта. И рядом с комнатой, где сидела Дина Осиповна, Лелина мать, рухнувшая печь навалом. Вся квартира ужасна.

Леля – моя землячка, одесситка. Мы друг друга знаем чуть ли не с детства. Я вспоминаю ее осенью 1913 года в Париже – веселую, юную, нарядную. Целой компанией мы отправились на какое-то гулянье. Катались на карусели под музыку. Усевшись в ряд на парашет, ели каштаны, глядя на Париж в опадающих листьях, в первых вечерних огнях.

Теперь у Лели дочь Инна – красивая суровая девушка, мечтающая стать штурманом дальнего плавания.

Когда мы приехали на Разъезжую, Леля была на службе. Дина Осиповна вышла к нам, ступая по обломкам.

Сегодня видела одного майора, прилетевшего из Москвы и сегодня же улетающего обратно. Свой рассказ он закончил словами: «Ленинград останется наш, его сдать невозможно». И объяснил почему. И хотя все это было уже известно и десятки раз переговорено и передумано, но услышать подтверждение этому от человека, побывавшего под Ельней, – как это было отрадно, жизненно необходимо, необыкновенно важно.

Вчера от зажигательных бомб горели больницы: Куйбышевская, Александровская и еще два военных госпиталя.

От военного госпиталя на Советском проспекте шел дым, как от горящей нефти.

Вчера бомбы падали в Новой Деревне на рынок. Оттуда привезли пятьдесят человек. Раненая девочка лет семи все жаловалась, что ей больно от резинового жгута, стягивавшего ногу. Ее утешили, сказав, что скоро будет легче, потом усыпили и ампутировали ногу. Она пришла в себя и сказала:

«Вот хорошо, теперь уже не больно». Девочка не знала, что у нее нет ноги.

Мне передавали, что отряд моряков шел по набережной под гармошку. Начался налет. Бомбы стали падать совсем близко, как раз близ набережной. А моряки все шли, не убавляя шага и не переставая играть.

В редакции мне сказали, что ранен Уткин: оторвано четыре пальца правой руки. А может быть, убит.

22 сентября 1941 года

Мы оставили Киев... После того, что писали: «Киев есть и будет советским», после того, что эта же фраза была сказана (и сколько раз!...) о Ленинграде, смутно теперь на душе у ленинградцев.

Читала раненым рассказ Козина. Завтра пойду снова. Сегодня тяжелый день. Очень трудно переварить Киев – вчера днем несколько тревог. Поехали в город – тревога. Заехали переждать ее к Озерецким. Они живут в бывшем дворце Кирилла Разумовского. Комнаты высоки, огромны и холодны. Все говорит об ином, XVIII веке. А над дворцом летает XX век в образе «юнкерса», нагруженного авиабомбами.

Сегодня поехали в город к Тарасенкову, в газету Балт-флота.

Только поднялись наверх – тревога. Входит краснофлотец и говорит:

«Приказано всем идти в укрытие».

Мы двинулись по коридору. В этот миг задрожал дом: бомба упала рядом, в Апраксином дворе.

В убежище, в углу, под сводами Росси, Тарасенков разостлал свою шинель. Мы сели. Он вытащил из кармана пачку писем от жены и стал мне читать. И удивительно, просто невероятно было слышать слова нежности и любви под гул и взрывы.

Между прочим, она сообщает, что Цветаева покончила с собою в Чистополе, что муж Маргариты Алигер убит, а сама она вернулась в Москву. Поехали домой, не дождавшись конца тревоги.

Подъезжаем к институту, и еще у входа нам говорят, что в студенческое общежитие (Гренадерские казармы) упала бомба минут двадцать тому назад. Мы туда.

Подъезжаем, смотрим с тревогой – стоит ли здание? Стоит. Даже стекла вылетели только кое-где. Бомба (небольшая, видимо килограммов пятьдесят) упала во дворе. Воронка уже была полна воды и грязи. Но даже от этой небольшой бомбы здание дало трещину. Куски штукатурки упали на студенческие кровати. Тот, кто лежал бы на кровати в эту минуту, не встал бы с нее живым.

Меня взволновало, что в эти дни в осажденном городе, под бомбами, Шостакович пишет симфонию. И главное, что «Ленинградская правда» сообщает об этом среди сводок с Южного фронта, среди эпизодов о «стервятниках» и о бутылках с горючим. Значит, искусство не умерло, оно еще живет, сияет, греет сердце. Аполлон еще не удушен Марсом.

23 сентября 1941 года

Я видела на Пушкинской шестиэтажный дом, прошитый бомбой от крыши до основания. Он так и стоит, треснувший сверху донизу. Крыша отошла сверху, как корка непропеченного хлеба.

Проходя мимо него, мы видели, как с высоты шестого этажа на косо натянутом тросе опускали вниз диван: он медленно полз вниз, повиснув над пустотой.

Немцы применяют новую тактику: бросают сперва фугасные бомбы, а когда здание разворошено и беззащитно, забрасывают его зажигалками. Так было с военным госпиталем, где погибло много раненых.

Сегодня наш главврач получил приказание: возле кровати каждого тяжелобольного должны стоять носилки. В каждой палате должны быть веревочные лестницы.

У нас очень тревожное соседство: Гренадерские казармы. Ведь только часть их отведена под студенческое общежитие, а в остальных зданиях расположена воинская часть. Туда часто (увы, не слишком, недостаточно часто!) привозят ящики снарядов. Иногда их доставляет вагон трамвая, иногда баржа по речке Карповке. На тихом берегу, неподалеку от нашей прозекторской, стоит зенитная батарея. Все это видно сверху немцам.

Насупротив, среди деревьев, укрывается аэростат со своим запасным баллоном. Это тоже опасное соседство для госпиталя. Да и самый госпиталь... Ведь фашисты бомбят их особенно старательно.

Впрочем, после того как во дворе казармы паренек, указав мне на воронку от бомбы и на место, где он стоял, сказал: «Я был там», – я поняла, что никакой защиты быть не может. Все это дело случая. Надо только опасаться стекол – это единственное, что можно сделать.

24 сентября 1941 года

И. Д. сказал, что в «Правде» есть о моем выступлении по радио. Я потом сама прочла. Это, как извещение ТАСС, было везде. И я обрадовалась и загордилась.

Сегодня утром (чудесное, все золотое) примерно в десять, в начале одиннадцатого, за несколько секунд до тревоги, на нашу территорию упала бомба, но не разорвалась. Она и сейчас лежит глубоко в почве. Она упала возле поликлиники, рядом с чугунным фонтаном. Над ней весь день работала саперная бригада, но достать не смогла. Оставили до завтра. Бомба очень велика, – это видно по отломившемуся куску стабилизатора. Трамваи мимо нас не ходят,

пешеходов не пускают. Мы оцеплены. Акушерское отделение и Первая хирургия, самые близкие к месту падения, переведены в другие помещения.

Самое странное, что я почти не ощутила удара. В первое мгновение мне показалось, что где-то далеко хлопнула тяжелая дверь. Здание вздрогнуло, но совсем не страшно. В других корпусах, говорят, сотрясение было сильное.

Лея с Диной Осиповной и Инной переехали из своей разбомбленной квартиры к нам на Песочную. Теперь буду часто бывать там.

Каждый день хожу читать раненым во Вторую хирургию. У меня там две палаты. Читаю Горького, Некрасова, Твена. Очень нравятся рассказы Марка Твена и «Кому на Руси жить хорошо».

Иногда многие тяжелораненные спят или думают о чем-то своем. Но все же им приятно, что кто-то приходит и беседует с ними.

С горечью говорят они о немецкой технике, о том, что у нас недостаточно авиации и танков. Один все повторяет жарким, трудным шепотом:

«Таночков бы нам, таночков!»

Другой, командир без ноги, раненный под Кингисеппом, сказал:

«Я готов еще принять на себя раны, только бы война хорошо кончилась».

Третий, тоже раненный в ногу, с медалью «За отвагу», трогательно пришпиленной к ночной сорочке, говорит:

«Только бы эту саранчу отогнать!» – Это он о фашистских самолетах.

Четвертый сказал о траншеях и блиндажах:

«И не дают земле покоя. И все без пользы». И он же:

«Безмысленная атака».

25 сентября 1941 года

Во время тревоги раненные спокойны, но мрачней. Их угнетает сознание собственной беспомощности, неподвижности. Ведь большинство не в состоянии сделать ни одного шага.

На днях я сидела в палате, в центре комнаты, на табурете, и читала рассказ Горького. Вдруг завывли сирены, зенитки наполнили все небо. Грохнула бомба, зазвенели стекла. Я сидела на табуретке без спинки, даже прислониться не к чему. Кругом окна, окна... И раненые, беспомощные люди, невольно смотрят на меня, здоровую: как я? А я собрала всю свою волю; переждав гул, читаю, слежу только за тем, чтобы голос не дрогнул.

Но, придя домой, сразу вся ослабела от пережитого страха, даже прилегла на полчаса.

Про бомбу бойцы знают, но говорят о ней вскользь.

Известно ли им, что она до сих пор лежит невзорвавшаяся?

27 сентября 1941 года

Бомба все лежит. Подрывники выбиваются из сил, а она, как страшный клад, не дается в руки, уходит все дальше в землю. Что нарабotaют за день, ночью идет прахом.

Земля у нас в саду вся изрыта: «Не дают покоя земле».

28 сентября 1941 года

Сегодня состоялся общегородской митинг женщин Ленинграда. Мы с Васильевой, редактором «Смены», писали всю ночь обращение. Во время очередной ночной тревоги соседи из

верхних этажей спустились в квартиру Васильевой и скорбно сидели с детьми в передней под вешалкой: в бомбоубежище почему-то не пошли.

В чужом доме налет гораздо страшнее, чем у себя дома.

29 сентября 1941 года

Бомба все лежит. Мы уже почти забыли о ней, но она еще опасна.

4 октября 1941 года

Пришлось устроить настоящую штольню, вбить в землю деревянные шпунты и тем задержать бомбу на определенной глубине.

Сегодня, наконец, нас позвали взглянуть на нее. Мы с И. Д. пошли в отгороженную часть сада, куда все это время никого не пускали.

Тяжелая фугаска лежала вся на виду: огромная, окрашенная в голубоватый цвет, с желтыми подпалинами, с заостренным рылом и тупым задом.

Взрыватель был отвинчен, и из глубины бомбы длинной лопаточкой, смоченной водой, выгребали зеленоватую глину, такую незлобивую на вид. Это был тротил – взрывчатое вещество.

Теперь бомба увезена в военный музей. Кусок стабилизатора я оставила себе на память.

5 октября 1941 года

Бомба не выходит у меня из головы. Начала писать о ней разменом моего «Путевого дневника».

*В пролет меж двух больничных корпусов,
В листву, в деревья золотого тона,
В осенний щебет птичьих голосов
Упала бомба весом в тонну,
Но не взорвалась.
Словно был металл
Добрей того, кто смерть сюда метал...*

Получила письмо из Чистополя от 18 августа. Жанна пишет о мальчике: «Он сильно похудел, но вырос. Ест уже каши, кисель». Какое счастье, что они там!

10 октября 1941 года

Мы оставили Орел.

По-прежнему грозно очень на Вяземском и Брянском направлениях: немцы снова наступают.

Под Москвой земля ровная: ни гор, ни долин, ни моря. Как на этой ровной земле удерживать лавину вражеских танков?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.